

Глава 1

Звонок на вечернюю самоподготовку прозвенел уже давно. Линь Цинжань запыхался, торопливо пробираясь к своему кабинету. Лишь когда он, едва переводя дыхание, добежал до дверей и увидел на доске размашисто выведенное слово «Самостоятельная», с его груди наконец сорвался облегченный вздох.

Стараясь не шуметь, он проскользнул через заднюю дверь и сел за свою парту.

Сидевший слева Хуан Гэ тут же обернулся. Смерив одноклассника насмешливым взглядом, он ядовито протянул:

— О-о, глядите-ка, наш гулёна соизволил вернуться!

С этими словами Хуан Гэ резко поднялся со своего места, демонстративно задев парту Линь Цинжаня. Стопка учебников с глухим стуком полетела на пол.

— Ой, прости-прости, я случайно! — хмыкнул он. В его голосе сквозило откровенное пренебрежение — даже дураку было ясно, что это сделано нарочно.

Линь Цинжань промолчал. Он лишь наклонился, собрал разбросанные книги, аккуратно придвинул их к самому краю стола и снова уткнулся в тетрадь.

К подобным выходкам он давно привык. С тех пор как в начале выпускного класса он перевелся в Первую среднюю школу города S, издевки и злые смешки преследовали его постоянно. Шел уже второй семестр, а шайка Хуан Гэ по-прежнему не упускала ни единой возможности отравить ему жизнь.

— Брат Гу, ты куда? Занятия же еще не кончились! — заискивающе крикнул Хуан Гэ вслед высокому парню, направившемуся к выходу.

— Душно здесь. Воздух смердит, тошнит уже, — бросил Гу Вэньюй. Перед тем как выйти, он одарил Линь Цинжаня ледяным, полным неприкрытого омерзения взглядом.

От этого низкого, бархатного голоса пальцы Линь Цинжаня невольно дрогнули, оставив на бумаге кривую линию. Каждое слово Гу Вэньюя больно резало по ушам.

В том, что Хуан Гэ травил его так открыто и безнаказанно, во многом был виноват именно этот парень.

Однажды в коридоре Линь Цинжаня кто-то толкнул, и он случайно налетел на Гу Вэньюя. Тот среагировал мгновенно — брезгливо оттолкнул его, словно прикоснулся к грязи, а в его глазах вспыхнуло такое презрение, что Линь Цинжаню стало не по себе.

Тогда он впервые осознал, насколько сильно этот человек его ненавидит.

И без того напуганные грязными слухами одноклассники обходили новенького десятой дорогой, а уж когда местный лидер наглядно продемонстрировал свое отношение к изгою, пути назад не осталось. Желая выслужиться перед молодым господином Гу, прихвостни вроде Хуан Гэ из кожи вон лезли, стараясь сделать жизнь Линь Цинжаня невыносимой.

Звонок с последнего урока прозвенел ровно в тот момент, когда Линь Цинжань закончил решать сложную задачу.

Самоподготовка подошла к концу. Он торопливо смахнул тетради в рюкзак, надеясь успеть выйти до того, как коридоры заполнятся кричащей толпой — меньше всего ему хотелось снова случайно задеть кого-то плечом. По пути домой нужно было обязательно заглянуть в круглосуточный магазин.

— Извините! — по привычке быстро проговорил Линь Цинжань, оборачиваясь.

В магазине было не протолкнуться. Его оттеснили к витрине, и в этой суматохе он невольно налетел на стоявшего рядом парня. Но едва он поднял глаза и встретился взглядом с холодным, красивым лицом, слова застряли в горле. Сердце болезненно сжалось.

— Тс! — раздраженно выдохнул Гу Вэньюй.

Его тонкие брови сошлись у переносицы, а в прищуренных глазах отразилось такое отвращение, словно перед ним стояло мерзкое насекомое.

— Прости... — прошептал Линь Цинжань, пытаясь отступить назад, но толпа напирала, зажав его в узком проходе между стеллажами. Хлынувшие в магазин школьники прибывали с каждой секундой.

Линь Цинжань оказался вплотную прижат к Гу Вэньюю. Он судорожно отвел взгляд и уткнулся подбородком в грудь. Он не смел и не хотел поднимать голову.

«Даже если я не буду смотреть, я слишком хорошо знаю, какая брезгливость сейчас искажает его лицо».

Пальцы Линь Цинжаня до судороги вцепились в ручки пластикового пакета, костяшки побелели.

Шумная толпа продолжала теснить их. Терпение Гу Вэньюя лопнуло. Схватив Линь Цинжаня за запястье, он грубо поволок его сквозь затор к выходу и, вытолкнув на улицу, швырнул в сторону.

— Не смей, блядь, ко мне прикасаться! Сволочь, тошнит от тебя! — прошипел Гу Вэньюй, брезгливо отряхивая рукава школьной куртки. Словно решив, что отстирать ее уже не удастся, он резким движением сорвал форму с плеч и швырнул в стоявший рядом мусорный бак.

Линь Цинжань молча смотрел на него. Губы сами собой разошлись в жалкой, горькой улыбке. Чтобы сдержать жгучие слезы, он часто-часто заморгал, со всей силы растирая ноющее запястье. Резкая физическая боль помогла ненадолго заглушить обиду.

Потерев руку, он почувствовал, как под кожей пульсирует острая резь. Аккуратно закатав рукав куртки, парень вздрогнул: манжета белой хлопковой рубашки быстро темнела, пропитываясь свежей кровью. Рана, едва затянувшаяся к вечеру, снова открылась после грубого рывка Гу Вэньюя.

Эту ссадину он получил еще утром, когда местная шпана решила устроить ему очередную «проверку». Кровь тогда удалось остановить, но сейчас глубокий порез разошелся вновь.

Кое-как выудив из только что купленного пакета пластырь, Линь Цинжань наспех наклеил его прямо поверх сочащейся раны. Бросив взгляд на экран телефона, он охнул — времени оставалось в обрез. Забыв о боли, парень запихал медикаменты в рюкзак и со всех ног бросился к дому.

Едва скрипнула входная дверь, из комнаты навстречу ему вышла пожилая женщина. Ее лицо светилось мягкой, любящей улыбкой.

— Жань-жань вернулся! Давай скорее в душ, согрейся.

— Хорошо, бабушка. Ложись спать, не сиди со мной.

Бабушка никогда не ложилась без него — это было их нерушимым семейным правилом, и именно поэтому Линь Цинжань панически боялся задерживаться по вечерам.

Дождавшись, пока старушка у себя погасит свет, он тихонько заперся в комнате, сходил в ванную и насухо вытерся.

Достав из рюкзака ватные палочки и флакончик перекиси, Линь Цинжань принялся обрабатывать сорванную кожу. Еще под горячей водой рану немилосердно щипало, а теперь, когда шипящий антисептик коснулся обнаженного мяса, руку пронзила такая дикая, зудящая боль, словно под кожу забрался рой голодных муравьев.

Он уставился на свое истерзанное запястье, силясь найти хоть каплю утешения.

«Какое счастье, что рукава длинные... — подумал он. — Иначе бабушка точно бы заметила и извелась от тревоги».

Закончив с перевязкой, парень убрал мази в ящик стола и бросил взгляд на настольный календарь. Третье марта.

«Еще немного... — Линь Цинжань устало прикрыл глаза. — Ещё пару месяцев продержаться до гаокао, и всё закончится. Я уеду отсюда и буду свободен».

В дверь негромко постучали.

— Жань-жань, ты спишь? — слышался из-за двери тихий голос бабушки.

— Нет еще, — Линь Цинжань поспешно накинул домашнюю кофту с длинными рукавами, скрывая свежую повязку, и открыл дверь. — Бабуль, ты почему еще не в постели?

— Да вот вспомнила кое-что... — вздохнула пожилая женщина. — Сегодня из школы рассылка приходила. Пишут, что раз вы теперь в выпускном классе, то лучше бы всем переехать в общежитие. Сил на эту финишную прямую уйдет много.

Она ласково погладила его по плечу:

— Я же знаю, что ты из-за меня мотаешься каждый день туда-обратно. Но я ведь справляюсь, видишь? Соглашайся на общежитие, Жань-жань. Тебе так гораздо легче учиться будет.

Но Линь Цинжань лишь упрямо покачал головой:

— Бабушка, ну сколько можно повторять? Если я не буду сбавлять темп, то сдам гаокао без всяких проблем. Перестань за меня переживать.

Причина его внезапного перевода посреди учебного года была проста и трагична: родители погибли в автокатастрофе, оставив его сиротой. Бабушка осталась его единственным близким человеком на всем белом свете. А учитывая ее слабое сердце, оставить ее одну в пустом доме он просто не мог физически.

В детстве, пока отец и мать строили карьеру, он рос у бабушки, и их связь была крепче, чем с кем-либо еще. Позже его, конечно, забрали в город, но толку от этого было мало: вечно занятые родители предоставили мальчика самому себе, лишь исправно перечисляя деньги на карманные расходы.

— Ну всё, бабуль, иди спать. Уже полночь почти, — Линь Цинжань мягко подтолкнул ее к выходу.

— Ладно, ладно... Знаю ведь, какой ты у меня упрямый, — грустно улыбнулась старушка, похлопав его по руке. — С самого детства всё сам да сам.

Уходя к себе, она тихо покачала головой, бормоча под нос:

— И за что тебе всё это, бедное ты дитя...

Линь Цинжань проводил ее взглядом до двери напротив — он настоял, чтобы они спали через коридор друг от друга, чтобы в случае чего сразу услышать ее зов. Лишь когда в щели под ее дверью окончательно погас свет, он тихо вернулся в свою комнату.

На следующий день во время классного часа им представили нового классного руководителя. Старый учитель попал в серьезную аварию, и на замену прислали молодую, улыбчивую женщину. Бегло осмотрев притихший класс и сверившись с журналом, она объявила:

— Так, ребята. Для начала давайте пересадим некоторых из вас. Освежим обстановку.

Предыдущий учитель успел ввести ее в курс дела, так что о местных «подводных течениях» она имела смутное представление.

— Да вы издеваетесь! — Хуан Гэ пулей подлетел к парте Гу Вэньюя. Глядя в свежий список раскладки, он демонстративно, брезгливо покосился на Линь Цинжаня. — Брат Гу, тебя посадили с этим недоделанным! Какая же дикая neprуха!

Линь Цинжань сидел всего в паре метров от них. Даже если бы Хуан Гэ шептался, он бы все равно расслышал, но тот орал на весь кабинет, явно упиваясь собственной наглостью.

— Реально, брат Гу, сходи к классной, пусть перепишет!

— Да уж, сидеть рядом с таким отродьем — это же блевануть можно от одного вида!

Для этой своры Линь Цинжань давно перестал быть человеком — так, пустое место, о которое можно безнаказанно вытирать ноги. Обидные, грязные слова сыпались со всех сторон, перерастая в настоящий гул.

Линь Цинжань опустил голову. Каким бы прочным ни казался его внутренний панцирь, эти удары раз за разом пробивали защиту, заставляя сердце обливаться кровью. Не выдержав, он молча поднялся и выбежал из класса.

Вслед ему полетел глумливый гогот:

— Да он же шлюха подстилочная, со всеми подряд спит — и с парнями, и с девками! За какие грехи нам это чудо в класс подкинули?

Сжав кулаки так, что ногти едва не прокололи ладони, Линь Цинжань пробежал до самого дальнего угла школьного двора, где под сенью старых деревьев пряталась заброшенная беседка.

Шла большая перемена, так что до следующего урока оставалось еще добрых полчаса.

Он прекрасно знал, кто именно пустил эти грязные слухи. В самом начале он наивно пытался оправдаться, спорить, доказывать свою правоту, но его тихий голос моментально тонул в улюлюканье толпы. Каждое слово оправдания лишь разжигало в преследователях азарт.

Парень прислонился к деревянной опоре, бездумно глядя на темную, подернутую рябью воду декоративного пруда.

«Всё нормально. Это ненадолго... — он попытался успокоить бешено колотящееся сердце. — Осталось всего несколько месяцев. Сдать гаокао, уехать — и забыть этот кошмар навсегда».

Губы дрогнули в жалкой попытке улыбнуться. Он горько усмехнулся собственной слабости.

— Надо же... Выпускной класс, а я реву из-за школьной травли как первоклассник, — негромко прошептал он в пустоту.

Март в этом году выдался сырым и промозглым. Очередной порыв ледяного ветра заставил его зябко передернуть плечами — хорошо хоть утром он догадался накинуть под куртку теплую кофту.

Холодный воздух немного отрезвил его, унося прочь липкую тоску и помогая дышать ровнее.

— Эй, Линь Цинжань!

Грубый, злой голос заставил его вздрогнуть. К беседке быстрым шагом направлялся плотный, широкоплечий парень в чужой школьной форме. В его глазах горела бешеная ярость. Не успел Линь Цинжань даже вскочить со скамьи, как тяжелая, мозолистая пятерня намертво вцепилась в его плечо.

<http://bllate.org/book/18342/1764175>